

Социальная политика. Социальная структура

© 2024 г.

П.П. ВЕЛИКИЙ

ФЕРМЕРСТВО – (НЕ)УКОРЕНИВШАЯСЯ СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

ВЕЛИКИЙ Петр Панфилович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий ИАГП РАН, Саратов, Россия (iagpran@mail.ru).

Аннотация. Рассмотрены объективные и субъективные предпосылки жизнедеятельности современного российского фермерства как новой группы в социальной структуре села. Наиболее надежно укоренены крупные, слабее средние фермеры. Особенно драматичным является положение глав мелких хозяйств, число которых за 2006–2016 гг. сократилось наполовину. Высказано предположение, что ресурсы этой группы, прежде всего пахотная земля, со временем перейдут к крупным фермерам. Близки к этой ситуации и фермеры средних хозяйств, в основном из-за отсутствия наследников, способных хозяйствовать в деревенских условиях. Это может привести к дальнейшему сокращению фермерского уклада. Сформулированы представления о путях рационализации социодинамики состава фермерских хозяйств для поддержания не только их экономической и социокультурной роли, но и трудовой занятости сельских жителей.

Ключевые слова: фермерство • укоренение • хозяйственно-экономические вызовы • модернизация • управление

DOI: 10.31857/S0132162524050064

Второе рождение российского фермерства. Отечественное фермерство как принципиально новая социоструктурная группа, практически не имевшая оснований для существования в условиях социалистического аграрного производства, привлекла внимание многих российских ученых – экономистов, правоведов, философов и психологов, каждый из которых исследовали этот феномен присущими их наукам методами.

Фермерство на первоначальном этапе, в 1990-е гг., восполняло не более 5–6% необходимого для продовольствия агропродукта, и руководители государства того времени не могли не признать, что какими бы темпами ни увеличивать количество фермеров, этот уклад в обозримое время не справится с задачей продовольственной безопасности [Казарезов, 2000]. Действительно, через 30 лет функционирования фермерского уклада его вклад составлял в 2020 г. лишь 14,9% [Сельское хозяйство..., 2021: 21]. Тренд развития за эти годы характеризовался двумя спадами и двумя подъемами, при этом тенденция восхождения была и остается доминирующей. Содержательная наполняемость фермерской

жизнедеятельности включает в первую очередь поддержку социального благополучия жителей сел, в которых они сами проживают и трудятся.

Все годы существования российского постсоветского фермерства его обсуждение – с разной степенью интенсивности и глубины понимания его проблем – не сходит с различных площадок федеральных органов власти, науки, публицистики. С одной стороны, успехи аграрного сектора в производстве зерновых культур создают в общественном сознании картину полного благополучия в агросфере и деревне. С другой стороны, отмечается, что хозяйственная самозанятость на селе нагружена множеством проблем, вызванных внутренними и внешними факторами, главным из которых является рассогласование темпов модернизации и готовности населения адекватно отвечать на новые вызовы и ограничения.

Фермерство – это социохозяйственная группа, заново созданная в нашей стране на рубеже 1980–1990-х гг. на основе институциональных правил, которые определяли объем прав и обязанностей этого нового субъекта. Одна из трудностей законодательного регулирования общественных процессов заключалась в том, что нередко у законодателя (точнее экспертов, создающих проекты норм) отсутствовала полнота знаний об исходной ситуации, которую предполагается регулировать, и ее динамике.

В Законе РСФСР о крестьянском (фермерском) хозяйстве (КФХ) 1990 г. предполагалось существование одного субъекта – семейной группы, которая выделяет из своей среды руководителя и передает ему распорядительные функции. Такой подход оправдан, когда село многолюдно, а в семьях много детей, таким оно действительно было накануне аграрной реформы. Однако с первых же лет аграрной реформы село стало стремительно терять население. Главная причина – отсутствие трудовой занятости на селе. Хотя с начала 1990-х гг. создались организации корпоративно-долевого и фермерского укладов, они в силу сужения специализации (подавляющая их часть занималась только растениеводством) не могли остановить сельскую безработицу. За 1992–2009 гг. на селе общая численность безработных утроилась, а число зарегистрированных безработных увеличилось в 8 раз; около полумиллиона людей в трудоспособном возрасте (15–72 года) отчаялись найти хоть какую-либо работу и перешли в статус хронических безработных [Калугина, 2015: 211–212]. Сельские жители стали рассеиваться на просторах страны, преимущественно в городах, а также работая вахтовым способом на энергетических предприятиях Севера [Великий, 2010; Плюснин и др., 2013].

Следствием этих ситуаций стала невыполнимость правовых актов о КФХ: на селе не стало больших семейных кланов, чтобы на их базе создавать фермерское хозяйство, а там, где такие попытки все же делались, они оказывались несостоятельными и разваливались из-за внутрисемейных противоречий в распределении доходов. Неудачный опыт многосемейного фермерского хозяйства привел к тому, что примерно с 2010 г. стали практиковаться фермы с единственным хозяином – собственником всех ресурсов – и наемными работниками, что соответствовало организационно-правовой форме индивидуального предпринимателя.

Особенности современного социологического анализа фермерства. О современных российских фермерах есть уже довольно обширная литература, которая, однако, дает понимание скорее отдельных аспектов этого явления, чем его цельного образа.

В частности, широкую панораму информации о структуре и динамике фермеров дают публикации В.Ф. Башмачникова и его соавторов, практически налаживающих фермерские дела в регионах [Башмачников, 2019]. Формы гражданского участия в реализации социальной миссии фермеров приводит М.Н. Муханова [2023]. Очень ценно, что она дала объяснение перемен в демографической ситуации на селе: вслед за старением сельских жителей потенциал самозанятости (особенно в ЛПХ) сильно уменьшился. Добавим, что и претендентов на открытие фермерского хозяйства стало меньше, хотя роль ранее действующих в селах фермеров в сознании сельских сообществ значительно возросла.

Л.В. Намруева на основе конкретных социологических исследований фермерства в четырех регионах сделала вывод о зависимости масштабов самозанятости от степени

концентрации крупных и средних предприятий. Мотивы неприятия фермерства связаны с неопределенностью, с отсутствием навыков совместного хозяйствования (особенно сбыта произведенного агропродукта) в рыночной среде. Она делает вывод, что, несмотря на введение различных государственных программ поддержки самозанятости, за 30 лет функционирования барьеры на пути фермерства так и не преодолены [Намруева, 2021].

В значительной степени «белым пятном» является освещение роли фермеров в социальном воспроизводстве современного села. Крупное исследование «Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа)» [Смыслы..., 2016] хотя и включало анализ самозанятых, но без выделения фермерства. Работа И.О. Шевченко [2018] посвящена частной проблеме воспроизводства жителей села за счет мигрантов из города. Актуальны публикации о жизненном определении студентов аграрных вузов, в том числе в фермерском укладе (см., напр., [Журавлева, Зарубина и др., 2019]). К сожалению, по этой работе трудно судить о перспективах выбора студентами фермерства как жизненного пути, что связано с выборкой: 79,1% составили горожане и лишь 18,8% жители села. Первые, далекие от проблем фермерства, оценивают его поверхностно, вторые – углубленно, как возможность профессиональной самореализации. Но на вопросы о перспективе фермерской «карьеры» они отвечали в основном пессимистично: молодому человеку в наше время создать фермерское хозяйство своими силами и средствами невозможно. Об этом можно судить на основании других исследований. Так, более половины опрошенных первокурсников Саратовского государственного аграрного университета изначально связывали планы своего жизнеустройства исключительно с городом, причем и на последнем курсе их ориентиры не изменились [Глебов, Черненко, 2015: 47].

С.Н. Полбицын наиболее близко подошел к осмыслению объективности и субъективности формирования личности сельского предпринимателя, смысловых оснований его реальности. Наряду с потребностью в безопасности (стремления обеспечить стабильный доход семьи), по данным его исследования, большую значимость имеют потребности в принадлежности к сообществу, уважения, сохранения традиционных ценностей своей общности [Полбицын, 2023].

К сожалению, тема «сборки» методами социологии реальности и реконструирования феноменов с заходом в жизненный мир фермерства только начинает разрабатываться. К тому же во многих публикациях о фермерстве социологи следуют принципам, сложившимся в подходах экономистов, – смещать аспекты преимущественно на объективные предпосылки успешности функционирования объекта.

Никаких аналогов прошлой советской реальности для смыслового наполнения термина «фермерство» ни у претендентов на участие в нем, ни у ученых не было. Будучи новой группой сельской реальности, фермерство представляет субъект, наделенный чертами, которые можно осмысливать по аналогии с известными. Рассмотрим некоторые аспекты укоренения фермерства, освещенные в зарубежной литературе.

Смысл укоренения сводится к установлению прочных связей присутствия социального объекта во всех структурах жизнеобеспечения, влияющих на его воспроизводство в близкой и отдаленной перспективе. Применительно к фермерству это означает сохранение предпосылок устойчивого хозяйствования, выполнения социальной функции в микро- и макросреде, репродукцию субъектов деятельности и их материальных ресурсов. Общая закономерность существования и функционирования любых социохозяйственных единиц применительно к фермерству имеет немало специфических черт, которые пока не полно осмыслены в социологической науке. Прежде всего, не описаны образы внутренних групп, того, насколько они стремятся к развитию и совершенствованию. Хотя новаторство присуще фермерству, наличие и повторяемость в годовом репродукционном круге непреложных обязанностей перед природой и опривыченные способы их исполнения могут быть консервативными. Отсюда – неравномерность модернизации фермерского уклада: с одной стороны, он привлекает творческих индивидов, с другой, действует

и крестьянская осторожность, недоверие эксперименту, чужому опыту. Неизбежна неустрашимость между креативностью и нормативностью [Menke, 1991: 50].

Существует и проблема человекосоразмерности социального взаимодействия – руководителя и наемного персонала, фермерского хозяйства и сельского сообщества, нарушения правил моральной экономики. Поэтому внутри фермерского локального сообщества образуются как твердые («тугие») связи, так и рыхлые, когда участники остаются плохо информированными об актуальных проблемах хозяйствования, что ослабляет потенциал самопомощи внутри производственного персонала [Gotz, Ohmacht, 2011: 34; Baron, Field, Schuller, 2000]. Возможно возникновение тенденции – всё исключительно для своих и в пределах своих (группы родственников и избранных наемных работников) [Portes, 1998: 40].

Как показывает международный опыт функционирования фермерского уклада, разлад между наемными работниками и главами хозяйств зачастую обусловлен мировоззренческими установками. Это зачастую проявляется в отношении к природной среде. Фермер, будучи предпринимателем в первую очередь, отмечал М. Вебер, ориентируется на выгоду, достижение которой далеко не всегда соотнобразуется с правилами и моральными нормами [Weber, 1978: 63]. Разъединение главы фермерского хозяйства с соисполнителями, особенно наемными работниками, чревато утратой качеств взаимопомощи, которая является ценностью для достижения общих целей [Baron, Field, Schuller, 2002: 328]. Однако объединение в согласованную между собой группу коллективных акторов – более сложная задача, ведь среди них укоренено несколько типов: энтузиаст, предприниматель, враг, согласный (предлагающий всевозможную поддержку), патриарх, заложник, аутсайдер [Eriksson et al., 2013].

Люди, стремящиеся войти в фермеры, отличаются и спецификой человеческого потенциала – более выраженной активностью в стремлении к достижению хозяйственно-экономических результатов. По оценкам экспертов, существует пять основных смысловых установок на высокие достижения: ориентация на использование передовых технологий хозяйствования; социопрофессиональный ресурс, многостороннее понимание особенностей своего социального положения и особенностей самостоятельного хозяйствования; видение перспективы роста хозяйства и принятие решений в этих целях; увеличение материального достатка семьи, своих близких и наемного персонала; участие в акциях гражданской активности в пространстве своей жизнедеятельности. Большой вес имеют такие смыслы, как «не стать хронически безработным», «улучшить свое материально-финансовое положение», «помочь семье и близким людям».

Динамика функционирования фермерских хозяйств. Укоренению предшествует приживаемость, которую демонстрируют процессы в естественной природе. Практика входа части сельских жителей в новый уклад подобна приживаемости растения, пересаженного на новое место, которое полностью зависит от наличия влаги, тепла, отсутствия сорняков. Кроме того, саженец должен быть здоровым, не увядшим. Интервью с фермерами первой волны показывает, что они меньше всего руководствовались желанием реализовать свои способности, профессионализм, быть лидером и т.п.

Наблюдается колебание их численности – с 182,1 тыс. в 1992 г. до 162,4 тыс. в 2022 г. Внутри этого тридцатилетнего периода в течение 25 лет происходило резкое изменение показателя, достигая максимума в течение первых семи лет (порядка 270–280 тыс.) и в целом снижаясь в последующие годы (рис.). В 1996–2022 гг. показатели были ниже первых лет после возникновения фермерского уклада, разница годовой численности сравниваемых периодов составляла от 20 до 70 тыс. хозяйств. В течение этого же периода имели место как «всплеск» до 304,6 и 308,1 тыс. в 2011 и 2012 гг., так и снижение до 168,2 и 162,4 тыс. в 2021 и 2022 гг. [Малые формы..., 2022].

Ядром фермерства считаются крупные семейные хозяйства без наемных менеджеров, имеющие земли сельхозназначения (13,1 млн в 2006 г. и 11,3 млн в 2016 г.). Отметим, что при снижении общей численности за десять лет крупных фермерских хозяйств площадь

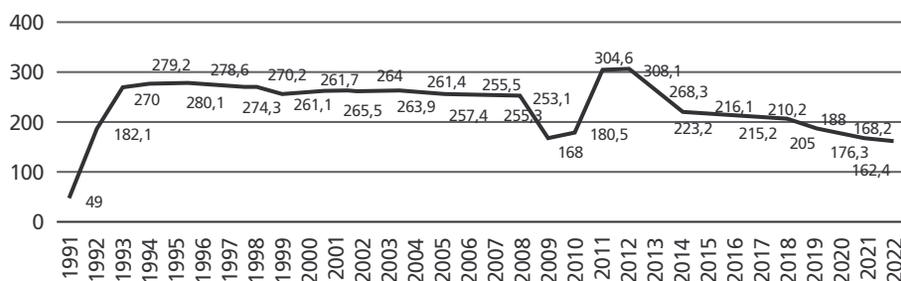

Рис. Динамика численности фермерских хозяйств в России в 1991–2022 гг.

Источник: [Малые формы..., 2022].

земель на одно такое хозяйство возросла с 430 до 860 га. К ним примыкают (и тоже входят в ядро фермерского уклада) средние фермеры с меньшей земельной собственностью на одно хозяйство (240 га в 2006 г., 333 га в 2016 г.). На эти две группы в 2006 г. приходилось 74% фермерской земли, а в 2016 г. – 47% [Башмачников, 2019: 30]. Приведенные данные свидетельствуют, что численное соотношение групп фермерства колеблется. Это влияет на вклад всего фермерского уклада в продовольственный фонд страны, который остается относительно стабильным.

Кто же еще помогает в обеспечении показателей фермерского сектора? Предполагается, что это – товарные ЛПХ, образовавшиеся вследствие перехода в них более 100 тыс. мелких фермерских хозяйств. В сектор ЛПХ они могли перейти, не справившись с нагрузкой институционально предписанных фермерам налогов, отчетности, нормирования технологических процессов [там же: 33]. Однако это предположение не бесспорно, поскольку увеличения численности личных подсобных хозяйств и обрабатываемой ими земли между сельскохозяйственными переписями 2006 и 2016 гг. не произошло. А с 2023 г. появилось и правовое ограничение: по Федеральному Закону № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве»¹, хозяева ЛПХ могут иметь в пользовании не более 5 га земли. Более вероятно, что мелкие фермеры ушли в другие сферы – строительство, промыслы (пчеловодство), неземледельческое отходничество, а землю, скорее всего, передали средним, более крепким фермерам. Иначе, как объяснить увеличение земельных площадей у последних? Ведь свободных земель уже нет, все они находятся в чьей-то собственности.

Этот факт подтверждает наметившийся тренд возрастания доли и роли среднего и крупного фермерства, а также снижения притока в малое фермерство амбициозных и креативных людей из рядовых сельчан. Попытка государства заинтересовать новых претендентов на фермерское дело путем выделения грантов малоэффективна: на создание производственных ресурсов и инфраструктуру претендентам нужно иметь собственные накопления, которых обычно нет, что ведет к свертыванию проектов.

Социальные условия формирования российского типа фермерства. Фермерство на начальном этапе формирования встретилось со множеством ограничений, которые действовали при возникновении и реализации инноваций. В процессе перехода общества от одного типа общества («социалистического») к другому (рыночному, капиталистическому) складывается социальный механизм, который включает субъекты, обладающие разными ресурсами, преследующие свои цели. Механизм не избавлен от ограничителей,

¹ Федеральный закон от 07.07.2003 № 112-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О личном подсобном хозяйстве». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43127/?ysclid=lwenv3yu2n914026963 (дата обращения: 22.05.2024).

влияющих на смыслы и темпы включения разных групп в процессы перехода. Применительно к фермерству эти ограничения имеют внутренний и внешний характер.

Внешними вызовами стали, прежде всего, действия властей среднего уровня (регион, муниципальный район) по роспуску колхозов и совхозов и замены их новыми, малопонятными организациями корпоративно-долевой формы (хотя институционально колхозы оставались легитимной организационно-правовой формой хозяйствования). Раздача земельных паев постколхозным семьям стимулировала наиболее активную часть сельских сообществ становиться фермерами. Однако это требовало немалых денег на паспортизацию полученных земельных паев, поэтому инициативы многих селян заглохли, а паевые участки земли были переданы в акционерные общества, куда вошли сами их собственники.

Одновременно формировался и фермерский уклад. Сельские жители, получив земельные пай (на среднюю семью в четыре человека) порядка 20–25 га, могли использовать ее на создание фермерского хозяйства и приобрести еще за плату столько, сколько позволяют ресурсы. Этим вариантом воспользовалось достаточно много семей, по своим денежным ресурсам претендуя только на мелкое фермерство.

Другой вариант вхождения в фермерский уклад осуществили амбициозные представители местных элит административных районов, а также руководители колхозов и совхозов. На основе нечеткой федеральной институционализации и корректировки ее на региональном уровне эта категория претендентов на фермерский статус смогла масштабно приватизировать земли бывшего «своего» колхоза (совхоза). Именно из них в основном сформировалась группа крупных фермеров. Хотя среди них были и те, кто, не обладая достаточным капиталом, стали средними фермерами. Третий вариант осуществила группа лиц из того же ряда субъектов, которые приватизировали целые заводы и фабрики. По расчетам В.В. Алакоза, эта численно мизерная группа, насчитывающая 2041 хозяйств, 1,5% от общего количества фермеров, захватила более 14 млн га (33,1%) фермерской земли. Для сравнения: на 53,5 млн мелких фермеров приходится лишь 0,8% фермерской земли [Алакоз, 2022: 74].

Поскольку трансформационные процессы в нашей стране пошли совсем не по ранее сложившемуся пути буржуазного общества (что в полной мере относится и к фермерству), то и теоретические конструкты социальной структуры должны быть скорректированы. Автор разделяет точку зрения О.И. Шкаратана и Г.А. Ястребова, что подход, сложившийся в западной социологии (разделять группы по уровню доходов, престижу, власти, исключая источники получения титулов и благ), недопустимо переносить на каждое общество [Шкаратан, Ястребов, 2007].

Вернемся к способам получения земель, пригодных для их капитализации. Для одних – мелких фермеров – способ получения земли был лимитирован (ограничен) институционально, бедностью и информационной некомпетентностью. В результате неукорененность в уклад имплицитно входила в их будущее. Несколько лучшие перспективы складывались в положение среднего фермера. Зато благоприятными были условия для крупного фермера и сверхкрупного землевладельца.

В задачу нашего исследования не входит выявление механизма овладения узкой группой людей огромными территориями сельскохозяйственных земель. Как правило, в эту группу входили жители городов, в том числе столиц, не всегда знакомые с аграрным производством, но хорошо знающие рыночную ценность земли и получившие доступ к ней через традиционный для первых лет реформирования механизм, опираясь на ресурс воздействия на власть. Эту группу следует исключить из фермерского уклада, поскольку ее характеристики далеки от него. Мелких и средних фермеров, с учетом их слабой укорененности в настоящее время и неопределенности воспроизводящих факторов в будущем, можно отнести к протореальным образованиям.

Вхождение в фермерство в качестве полноправной социоструктурной группы вряд ли может произойти только за счет личностных усилий. В этой сфере действует слишком много препятствий и ограничений из-за неотлаженности взаимодействия фермеров

с внешним миром, которые трудно поддаются устранению без активной помощи государства и общественных сил. Завершенный классовоподобный характер присущ только крупным фермерам, но не сверхкрупным, имеющим сотни тысяч гектаров земли, которых следует вообще исключить из состава фермеров, переводя в статус землевладельцев.

Перспективы укоренения внутренних групп фермерства обусловлены спецификой рыночного обмена ресурсами с внешними организациями, получившей в мировой практике название «пяти сил» (или угроз) [Портер, 2001: 88]. Рассмотрим, в каком положении находится фермерское хозяйство как потребитель ресурсов, предоставляемых другими компаниями.

Ему угрожают компании-конкуренты, сверхкрупные сельскохозяйственные организации, агрохолдинги, под контролем которых находятся рынки сбыта продукции, как правило, недоступные фермерам, особенно мелким. Последние на свой страх и риск нередко завозят агропродукты в городские дворы, торгуя с автомобилями, что пресекается надзорными органами.

Не менее серьезная угроза – это рыночная власть поставщиков таких продуктов, как сельскохозяйственная техника и оборудование, горюче-смазочные материалы, удобрения, средства химической защиты, электроэнергия. Цена на них устанавливается односторонне, договорные возможности исключены. Фермеры в подавляющем большинстве утверждают, что стоимость указанных промтоваров динамично растет, а цена агропродуктов остается неизменной или колеблется, то повышаясь, то снижаясь в зависимости от мировых цен на зерно. Чтобы выжить в такой ситуации, мелкие и средние фермеры предпочитают приобретать старую технику (комбайны, тракторы), зачастую произведенную еще в советские годы. Покупка такой, основательно изношенной, техники и ремонт ее своими силами считается более приемлемым вариантом, чем приобретение самой новой и совершенной. Если взять небольшое фермерское хозяйство (около 100 га), то семья, получив по итогам 2017 г. валовый доход в 2,4 млн руб., затратила на приобретение основных средств более 1 млн руб., в итоге чистая прибыль составила лишь 300 тыс. руб. (за минусом 6% налога на нее, страховых взносов, земельного и транспортного налога) [Жукова, 2020: 35]. Мелкий фермер, работающий на земельном участке в 20–30 га, обременен точно таким же набором расходов, хотя и в меньшем объеме. В случае возникшей возможности арендовать земельный пай односельчанина эффективность его хозяйства мало увеличивается, поскольку плата арендодателю достаточно высока.

Однако существует и механизм укоренения мелких фермеров с помощью ресурса солидарности в их среде, особенно если их земельные участки сопредельные. Пригласить соседа-фермера с техникой для экстренной работы, поставить трактор или комбайн на его участке, чтобы не выезжать на оживленное шоссе, – это опривыченные практики. Находят мелкие фермеры возможность обойти и некоторые правила, установленные фирмами, торгующими дизельным горючим и отпускающими одновременно только большие объемы. В этом случае фермеры приобретают топливо «вскладчину», а затем делят его соответственно внесенной сумме денег.

Власть покупателей связана не столько с предпочтением продукта одного фермера другому, сколько с отсутствием рыночных площадок, где можно приобретать товар. Там, где фермеру удастся открыть «точку продаж», жители, как правило, предпочитают покупать фермерские продукты. Появление нового субинститута ассоциируется в сознании фермеров с каким-то новым хозяйствующим субъектом, наподобие агрохолдинга, от которого никакой пользы для фермерского уклада не будет. Мелких фермеров, которым в силу малоземелья трудно создать экономически эффективное хозяйство, больше всего беспокоит выход на рынок новых конкурентов.

Возрастание или убывание земель сельскохозяйственного назначения – это к настоящему времени является фактором, сильно влияющим на конкурентные преимущества. Сегодня у фермера примерно поровну земли арендованной (земельные паи семей односельчан) и в частной собственности. Однако гарантии, что так будет продолжаться

бесконечно, у фермеров нет. Арендодатель, недовольный невысокой оплатой, которую дает фермер, готов рассмотреть предложение агрохолдинга. Фермеры часто говорят, что «если агрохолдинг заберет ныне арендуемую землю, меня ожидает крах».

Таким образом, моменты неопределенности в сельской социальной реальности продолжают сохраняться. Можно предположить, что органы и организации, ответственные за жизнь сельского населения, задумаются об этом и найдут способы уладить назревающий кризис. Отмеченные угрозы поддерживают ситуацию перманентной озабоченности фермеров за состояние своего хозяйства как здесь и сейчас, так и в перспективе. Возможности их влияния на уменьшение угроз невелики: цена зерновых культур задана внешнеторговыми возможностями государства, цены на овощи и фрукты корректирует покупатель, который может предпочесть более дешевые их импортные аналоги. Отказ от приобретения новой техники в пользу старой – вынужденная линия поведения, которую можно рассматривать лишь из-за отсутствия предпосылок к росту. Поскольку это поведение наиболее распространено у мелких и частично средних фермеров, очень сомнительно, что они посредством собственных материальных и нематериальных ресурсов смогут перейти в разряд надежно укорененных групп в фермерском социуме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алакоз В.В. Землю семейному фермерству – без него обезлюдение сельских поселений во многих регионах не остановить // Фермерство семейного типа: потенциал, практика развития / Под науч. ред. В.Ф. Башмачникова. М.: ООО «Брейн Принт», 2022.
- Башмачников В.Ф. Фермерству в России быть. М.: Перо, 2019.
- Великий П.П. Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44–49.
- Глебов И.П., Черненко Е.В. Воспроизводство человеческого капитала в агроэкономике. Саратов: Саратовский ГАУ, 2015.
- Жукова Т.А. Земля и люди. Дневник фермера: документальный очерк. Краснодар: КубГАУ, 2020.
- Журавлева Л.А., Зарубина Е.В. и др. Фермерство как жизненный путь // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 4(49). С. 81–86.
- Казарезов В.В. Фермеры России: Очерки становления. М.: Аккорд Колос, 2000. Т. 1.
- Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015.
- Малые формы хозяйствования в агропромышленном комплексе. М.: АККОР, 2022. URL: https://www.akkor.ru/sites/default/files/2022_02_akk_brsh_cifru_055_preview.pdf (дата обращения: 22.05.2024).
- Муханова М.Н. Предпринимательство в российском аграрном секторе // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 155–173.
- Намруева Л.В. Трансформация сельской жизни на примере фермерских хозяйств Юга России // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 2. С. 163–176.
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д. и др. Отходники. М.: Новый Хронограф, 2013.
- Полбицын С.Н. Таксономический анализ мотивации сельских предпринимателей // Продовольственная политика и безопасность. 2023. Т. 10. № 4. С. 645–662.
- Портер М. Воздействие конкуренции на форму стратегий // Стратегический процесс. СПб.: Питер, 2001.
- Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М.: Росстат, 2021.
- Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2016.
- Шевченко И.О. Жизненные ориентации подмосковных фермеров, или Кто такие «новые крестьяне»? // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 3(13). С. 63–72.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты // Прикладная эконометрика / Applied Econometrics. 2007. № 3. С. 96–119.
- Eriksson M., Dahlgren L., Emmelin M. Collective actors as driving forces for mobilizing social capital in a local community: what can be learned for health promotion? // Social capital and rural development in the knowledge society. Ed. by H. Westland, K. Kobayashi. Edward Elgar, 2013. P. 273–299.
- Gotz K., Ohmacht T. Research on mobility and lifestyle – what are the results? // Mobilities: new perspectives on transport and society. Ed. by M. Grieco, J. Urry. Ashgate Publishing Limited, 2011. P. 91–109.

- Menke C. Das Leben als Kunstwerk gestalten? Zur Dialektik der postmodernen Asthetisierung // *Initial*. 1991. S. 383–395.
- Portes A. Social capital: its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 1–24.
- Schuller T., Baron S., Field J. Social capital: A review and critique // *Social capital: Critical perspectives*. Ed. by S. Baron et al. Oxford: University Press, 2000. P. 1–38.
- Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley, 1978. Vol. 1.

Статья поступила: 27.03.24. Финальная версия: 30.05.24. Принята к публикации: 04.06.24.

FARMING IS AN (UN)ROOTED SOCIAL GROUP: PROBLEM STATEMENT

VELIKIY P.P.

IAGP RAS, Russia

Peter P. VELIKIY, *Dru Sci. (Philos.)*, Prof., Leading Researcher of IAGP RAS, Saratov, Russia (iagpran@mail.ru).

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-00219.

Abstract. The article examines the objective and subjective life prerequisites of modern Russian farming, a new group in the social village structure. Based on the parameters established in practice for the size of farming into small, medium and large groups, the author substantiated the main prerequisites for their rooting in the agro-industrial complex and the life of rural communities. Large farmers are the most securely rooted; medium-sized farmers are weaker. Particularly dramatic is the situation for heads of small farms, whose number has decreased by half over ten years (from 2006 to 2016). It has been suggested that the resources of this group, primarily arable land, will eventually pass over to large farmers. Medium-sized farmers are also close to this situation, mainly due to the lacking heirs capable of farming in rural conditions. This could lead to further reductions in the farming lifestyle. The author's ideas are formulated on ways to rationalize the sociodynamics of the farms' composition in order to maintain not only their economic and sociocultural role, but also the employment of the mass of rural residents. Actors of the farming way of life are the subject of transitional social states of society and its individual systems, where the lines of many economic, social and ideological players intersect. When realizing their life plans, they act in a space of uncertain future beyond their control.

Keywords: farming, survival rate, rooting, economic challenges, modernization, management.

REFERENCES

- Agriculture in Russia*. (2021) Stat. sat. Moscow: Rosstat. (In Russ.)
- Alakoz V.V. (2022) Land for family farming – without it, the depopulation of rural settlements in many regions cannot be stopped. In: *There Should be Farming in Russia*. Vol. II. Family-Type Farming: Potential, Development Practice. Moscow: OOO "Brein Print". (In Russ.)
- Bashmachnikov V.F. (2019) *Farming in Russia Is to be*. Moscow: Pero. (In Russ.)
- Eriksson M., Dahlgren L., Emmelin M. (2013) Collective actors as driving forces for mobilizing social capital in a local community: what can be learned for health promotion? In: *Social capital and rural development in the knowledge society*. Ed. by H. Westland, K. Kobayashi. Edward Elgar: 273–299.
- Glebov I.P., Chernenko E.V. (2015) Reproduction of Human Capital in Agroecconomics. Saratov: Saratov GAU. (In Russ.)
- Gotz K., Ohmacht T. (2011) Research on mobility and lifestyle – what are the results? In: *Mobilities: new perspectives on transport and society*. Ed. by M. Grieco, J. Urry. Ashgate Publishing Limited: 91–109.
- Kalugina Z.I. (2015) *Market transformation of the Russian agricultural sector: Sociological discourse*. Novosibirsk: IEOPP SO RAN. (In Russ.)
- Kazarevov V.V. (2000) *Farmers of Russia: Essays on the formation*. Moscow: Accord Kolos. Vol. 1. (In Russ.)
- Meaning of Rural Life (A Sociological Analysis)*. (2016) Ed. by Zh.T. Toshchenko Moscow. (In Russ.)
- Menke C. (1991) Das Leben als Kunstwerk gestalten? Zur Dialektik der postmodernen Asthetisierung. *Initial*: 383–395.
- Mukhanova M.N. (2023) Entrepreneurship in the Russian agricultural sector. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Questions of theoretical economics]. No. 4: 155–173. (In Russ.)

- Namrueva L.V. (2021) Transformation of rural life on the example of the South of Russia farms. *Sociologicheskaja nauka i socialnaja praktika* [Sociological science and social practice]. Vol. 9. No. 2: 163–176. (In Russ.)
- Plusnin Ju.M., Zausayeva Ya.D. et al. (2013) *Otkhodniki*. Moscow: Novyy khronograf. (In Russ.)
- Polbitsyn S.N. (2023) Taxonomic analysis of rural businessmen's motivation. *Prodovolstvennaya politika i bezopasnost* [Food Policy and Security]. Vol. 10. No. 4: 645–662. (In Russ.)
- Porter M. (2001) The impact of competition on the form of strategies. In: *The Strategic Process*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Portes A. (1998) Social capital: its origins and applications in modern sociology. *Annual Review of Sociology*. Vol. 24: 1–24.
- Schuller T., Baron S., Field J. (2000) Social capital: A review and critique. In: *Social capital: Critical perspectives*. Ed. by S. Baron et al. Oxford University Press: 1–38.
- Shevchenko I.O. (2018) Moscow region farmers' life orientation or who are the "new peasants"? *Vestnik RGGU. Ser. Filisofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie* [RSUH Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies". Series]. No. 3(13): 63–72. (In Russ.)
- Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. (2007) Identification of real (homogeneous) social groups in Russian society: methods and results. *Applied Econometrics*. No. 3: 96–119.
- Small forms of management in the agro-industrial complex. Moscow: ACCORD, 2022. URL: https://www.akkor.ru/sites/default/files/2022_02_akk_brsh_cifru_055_preview.pdf (accessed 22.05.24). (In Russ.)
- Velikiy P.P. (2010) New Forms of Searching for Living Among Present-Day Villagers. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9(137): 44–49. (In Russ.)
- Weber M. (1978) *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley. Vol.1.
- Zhukova T.A. (2020) *Land and people. The Farmer's Diary: a documentary essay*. Krasnodar: KubGAU. (In Russ.)
- Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V., Simachkova N.N., Chupina I.P. (2019) Farming as a way of life. *Biznes. Obrazovaniye. Pravo*. [Business. Education. Law.] No. 4: 81–86.

Received: 27.03.24. Final version: 30.05.24. Accepted: 04.06.24.